

АМУР

Литературный альманах БГПУ,
№ 17. – Благовещенск: Издательство
БГПУ, 2018. – 104 с., илл.

ISSN 1999-4095

Редакционная коллегия

А.В. Урманов – главный редактор,
Н.В. Киреева – зам. гл.
редактора,
Е.В. Воропай,
И.Д. Игнатенко,
С.И. Красовская,
В.Г. Лецик,
О.А. Рыкова – секретарь

Графическая модель, обложка –
С.Д. Ладыгин

Вёрстка –
Т.В. Корниенко

*Альманах зарегистрирован в Фе-
деральной службе по надзору в
сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного на-
следия.*

**Свидетельство ПИ №ФС77-
31530 от 21 марта 2008 г.**

© Благовещенский государственный пе-
дагогический университет –
составление, 2018.

Отпечатано в ООО "Типография".
675000, г. Благовещенск, ул. Политех-
ническая, 55.

Подписано к печати 20.12.2018
Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 12,09
Тираж 500 экз. Зак. 3321

АМУР

Литературный альманах БГПУ

2018

№ 17

СОДЕРЖАНИЕ

Слово – мастерам

Игорь ИГНАТЕНКО. Строгановский стиль. Рассказ из блокнота.	
Секундной стрелки не догнать... Из новых стихов	2
Виталий АМУРСКИЙ. Во времена нестихотворные...	8
Валерий ЧЕРКЕСОВ. Вопреки... Из будущей книги	12

Лауреаты и номинанты премии имени Л. Завальнюка

Николай ЛЕВЧЕНКО. Раздумья среди праздника. Рассказ	15
Татьяна ГУРОВА. Поднимусь к облакам... Стихи	18
Александр МАЛИКОВ. Альманах «Приамурье»: Юбилей с долей грусти.	
Окончание	20

Поэтическая встреча

Тамара ВОРОНЦОВА. Осенний цикл. Стихи из новой тетради	23
Сергей ШЕРЕШЕВСКИЙ. Что там у миокарда?.. Стихи	26
Хелена САММЕР. Правда Миши Тинкельмана. Баллада	28
Алёна БЕЗУГЛАЯ. Как нежность рассказать?.. Стихи	30
Анна ПРОКОПЬЕВА. Уходит что-то... Из новых стихов	32

Малая проза

Нина ДЬЯКОВА. Про кога Жорку, тётю Феню и страшную карточку...	34
Александр ГЕРАСИМОВ. Рельеф. Рассказы-малютки	37
Ярослав ТУРОВ. Старость. Рассказ	39
Ольга КРУТИКОВА. Прививка от ошибок. Рассказ	44

Дебют

Влад ТОМАСОВ. Земля в иллюминаторе... Рассказики	47
---	----

Критика и литературоведение

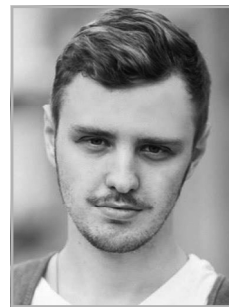
Александр УРМАНОВ. Подлые времена (История одного громкого скандала в предреволюционном Благовещенске)	54
Виктория ГАВРИЛЕНКО. Леонид Завальнюк: знакомый незнакомец	58
Валерий ЧЕРКЕСОВ. «Под пеплом искра золотая...» (Станислав Демидов)	64
Ирина НАЗАРОВА. Книжная лавка: Обзор книжных новинок (2017–2018)	67

Страницы прошлого

Александр ТАБУНОВ. Судьба казачья, или На границе двух цивилизаций (К 50-летию выхода в свет повести Василия Коренева)	76
Антонина ТОКМАКОВА. Строки о былом	84
Тамара СТАСЮКЕВИЧ. Учитель, куратор, коллега...	
(Яков Вениаминович Шварц-Генин)	90
Борис БЛОХИН. Камешек на дороге. Штрих к портрету Б.С. Сапунова	94

Из архива

Фёдор ЧУДАКОВ. Бузуй: Рассказ. По Зее. Путевые очерки. Под угёсом.	
Из очерков «Зелёные дни». Публикация и примечания А. Урманова	96

СТАРОСТЬ

Рассказ

– Да он же спит, наверное, чего его будить? Пусть выспится, – вяло сопротивлялся я.

– Ничего, он и так спит всё время, ещё успеет, – возразила тётя Тоня, провожая меня в дальнюю комнату.
– Дед! Просыпайся! Внук приехал.

В небольшой тёмной комнате на двухспальной кровати лежал, укутавшись в одеяло, древний старик. Кожа его при тусклом свете из окна, за которым был пасмурный октябрь, показалась мне какой-то отталкивающей серо-зелёной.

– Дед, вставай! Андрюша приехал, говорю! – настойчиво проговорила тётя и потрясла старика за плечо.

Дед проснулся резко, как будто его включили в розетку. Выставив вперёд руки, он с пугающим хрипом сел в кровати и стал тревожно озираться пустыми белёсыми глазами, с трудом поворачивая голову. На кончиках пальцев его я заметил длинные давно не стриженные ногти, отдалённо напоминавшие когти. В совокупности всё это смотрелось жутко.

– Кто ты? Что-то не узнаю... – сипло сказал он, уставившись на меня. Я осторожно сел на край кровати и взял его за руку. Тёплая.

– Это я, Андрей. Твой внук, – проговорил я громко и отчётливо. Тётя Тоня говорила, дед стал совсем глухой. – Помнишь меня?

Секунду дед смотрел не понимая, а потом вдруг его глаза наполнились слезами.

– О-о-ой... – простонал он и потянулся ко мне. – Андрей... Андрей...

Мы обнялись. Последний раз я видел его года четыре назад. Сперва учёба, потом работа вдалеке от малой родины, а также личная жизнь, путешествия и конские цены на билеты. Ничего нового.

Тётя Тоня стояла в дверях.

– Ну, пообщайтесь, пообщайтесь, – сказала и ушла на кухню готовить обед.

Я смотрел на деда. Он глядел куда-то в пустоту перед собой. Впалые щёки на измождённом лице избороздило несколько шрамов – следы от операции пятилетней давности.

– Ну как ты тут?

– Ой-ёй-ёй... – вздохнул дед.

– Говорю, КАК ТЫ ТУТ?

– Да как я? Мне в этом году девяносто пять годков

стукнуло... Вот так вот... – сказал он, кивая с таким видом, будто добавить было больше нечего.

– Ты молодец. Держишься, – сказал я и положил ему руку на плечо. Всё-таки нелегкое это дело – общаться со стариками.

– Я сначала в Петровке жил. Ну, ты бывал там у меня. За мной Маруся там ухаживала. А потом уехала. На Хор уехала. А больше ухаживать некому. Меня Антонина к себе взяла. В город, – сказал дед, делая большие паузы между предложениями.

– Я знаю. Потому и приехал. Как тебе в городе?

– Ничего житьё. Тепло. Печку не надо топить. Снег не надо чистить. Кормят три раза в день. Суп на обед, котлеты. Утром каша, – потом немного помолчал и добавил: – Не любят меня здесь. Не нужен я.

Я промолчал. По правде, это и была основная причина моего приезда. Устал слушать про дрязги родителей с тётюшкой по поводу деда и решил сам во всём разобраться.

– Нужен, нужен.

– Пётр, мужик ейный, злющий. Не любит меня. Поговори с Пашкой, может, возьмёт меня?

– Поговорю-поговорю. Ты есть будешь?

– Не-е-ет... Не голодный я.

– Ладно. Если что, приходи к нам, – сказал я и ушёл на кухню. Там тётя Тоня выставляла тарелки на стол.

Через полчаса мы сидели и обедали. У тётя был выходной, остальные члены семьи должны были вернуться к вечеру. Семичасовой ночной перелёт из Москвы в Хабаровск давал о себе знать – я то и дело зевал и клевал носом, но держался. Не спать сюда приехал.

– Ой, Андрюша, – вздохнула тётюшка. – Не хотела тебя грузить, но раз уж приехал...

– Выкладывайте.

– Совсем нам тут житья нет. Дед у нас такие концерты тут даёт, ты бы знал...

– Под себя ходит?

– Ох, дак если бы только это... И мимо унитаза бывает. По ночам спать не даёт – ходит по квартире, палкой стучит, будит нас постоянно. Скучно ему здесь, внивания требует. Там у себя он хоть по двору гулял и печку топил, хоть какое-то развлечение. А тут что ему: комната, коридор да кухня. Сон – еда – туалет... Разве это жизнь?

– Старость не радость.

– Но это ещё что... Иногда как выдумает чего, так мы все в осадок выпадаем...

– Кто, дед?

– Ну да. Он у нас тот ещё выдумщик. Ты же его не знаешь совсем.

Я не стал спорить. Перед глазами пробежал калейдоскоп картинок из детства. Дед кормит меня клубникой с грядки и берёт с собой на рыбалку. Мы с дедом катаемся на велосипеде по Петровке. Отец с дедом топят баню и готовят в летней кухне окрошку на квасе. Дед дарит мне самодельную деревянную игрушку. Счастливое детство...

– Что он делает?

– Ой, да уже столько всего было, что и вспомнить тошно. Вот хотя бы недавно взять случай... Приезжаем мы к нему в Петровку проведать – как раз после отъезда Маруси. Он говорит: деньги на гроб пропали. Сорок тысяч у него в пиджаке в шкафу вместе с паспортом лежало. Смотрим по всем шкафам – нету денег. Это вы, говорит, взяли! – Да как же мы взяли, когда мы только-только приехали! Я говорю: папа, да не нужны нам твои сорок тысяч! – Нет, говорит, вы взяли! Ну, мы с мужем поговорили наедине, дай, думаем, вернём ему эти деньги. Из своего кармана сорок тысяч отсчитали, положили в стол, как будто так и было. Говорим, вот, дед, посмотри! Вот твои сорок тысяч. Ты их сам переложил и забыл. Он смотрит так удивлённо, пересчитал и говорит: тут ещё трех тысяч не хватает! Говорим: откуда ж ещё три?! Ты говорил, всего сорок было! – Так я вас проверял! Такой артист он у нас... Но ты даже не представляешь, как обидно!

– А на самом деле куда деньги делись?

– Не знаю. Всё обыскали, нигде нет. Лично я думал, это соседка Маруся украла. Ну а чё ей, мужика себе какого-то на Хору нашла, алкаша, деньги на жизнь нужны, вот и взяла.

– Что ж вы в полицию не сообщили?

– А как тут докажешь? Я только и знаю, что со слов соцработника. Она там заходила как-то деда проведать да пенсию ему отдать. Видит, дверь в дом открыта, а оттуда Маруся эта выходит и озирается всё. А дед в то время в летней кухне сидел. Спрашивается, что Марусе делать в доме, если деда там нет?

– Мда, похоже, и правда она, – покивал я.

Тётя Тоня тоже замолчала. Всё что-то мялась, нервно облизывая губы. То поставит чашку на стол, то возьмёт, а чай не пьёт. Видно, хотела что-то сказать, но не решалась. Наконец, решилась.

– Андрюш, ты парень умный. Сам видишь, как мы тут живём. Трёшка маленькая, у нас тут с Петей и Катюшкой и так жизнь не сахар. Ну куда нам ещё дед?

– Понимаю.

– Может, ты поговоришь с отцом? Пускай они с твоей мамой его к себе берут, хоть на полгода. А потом полгода мы. Пожалуйста...

В глазах тёти было столько мольбы, что мне стало тошно.

– Поговорю, – кивнул я, хотя уже заранее знал всё, что мне скажут родители.

– Нет, нет и ещё раз нет, – отрезал в трубке мамин голос. Я стоял у подъезда с телефоном, под окнами девятиэтажки, где жила тётя. В дворовой коробке мальчишки с криками гоняли мяч. Вдалеке какой-то мужик выгуливал пса на поводке. – Ну куда нам его нахрен сюда?! Как ты себе это представляешь? Двенадцать часов в поезде.

Я молчал. Да, тащить деда в соседнюю область, в Евангельск – так себе идея, поезд он не переживёт. Бабушка моя по линии мамы не пережила.

– Ну ты войди в их положение. Они тут от него на стенку лезут.

– И что теперь? Хочешь, чтоб мы тут с отцом лезли?

Я снова промолчал.

– Ты же знаешь, какой у тебя отец и какой у него порог брезгливости. Да он ворону дохлую на улице увидит, его уже наизнанку выворачивает. Хочешь, чтоб он совсем тут очоурился? А у меня сердце, мне нервничать нельзя.

– Короче, ясно всё, – перебил я. Голос матери начал меня раздражать. – Дай я с отцом поговорю.

– Не будешь ты с ним говорить, некогда ему.

– Но делать-то надо что-то!

– То есть, по-твоему, мы ничего не делаем? Да мы каждый месяц вот уже лет семь в деревню деньги отправляем, чтоб за дедом присматривали. Кто лекарства ему покупает? Кто пять лет назад месяц его по клиникам и операциям таскал, пока тётка твоя в стороне отсиживалась? Отец твой всё это делал. А она хоть пальцем для него шевельнула?

– Они приезжают регулярно.

– Раз в три месяца? Сын, от Хабаровска до Петровки час на электричке. Раз в три месяца – это что, помощь?! Мне Маруся всё про тётку твою докладывала. Всё на других сбагрить норовит. Больная на голову! Ишь чё вздумала! На полгода ей деда возьми...

– Так, всё, хватит. Надоело. Что делать будем?

– Да есть один вариант...

Тётя Тоня смотрела на меня с мольбой и надеждой.

– Ну, что папа сказал?

– Тётъ Тонь, я поговорил. С папой не смог пообщаться, мама ваше предложение выслушала, она не думает, что это хорошая...

Глаза тёти помутнели.

– Не возьмёт? А я так и знала. Это всё мать твоя, она нас ненавидит.

– Да ну, глупости.

– Да правда-правда, я-то знаю! И Пашу науськивает. Опекает его, как маленького. А на других ей плевать... Ну вот скажи, Андрюш, прятаться от родного отца за жену – разве это по-мужски?

– Тётъ Тонь, ну хватит вам наговаривать. Папа дом построил, сына воспитал, дерево посадил, на этом его мужской долг исполнен. Вы с ним созванивались?

– Да миллион раз! И каждый раз одно и то же! «На, Зина, телефон, поговори! Мне некогда, завтра отчёт на работе сдавать!» А мать твоя как трубку возьмёт, так и давай орать: что вы к нам со своими проблемами, у нас своих хватает... Конечно, они там в ус не дуют. А я каж-

дый месяц с Петей в деревню мотаюсь, в свой выходной, между прочим. Ой, Андрюша, ты бы видел, какой дед был, когда мы приехали в последний раз. Он же не моется, не переодевается, в одежде спит... Как от бомжа от него несло! Это он сейчас помыт, одет, а тогда...

– Послушайте, – прервал я поток её причитаний. – Выход есть.

– Какой ещё выход?

– Отец когда в прошлый раз приезжал, взял контакты у Ореховой, она на соседней улице живёт.

– Знаю. Валентина Кузьминична.

– Мама говорила, что она готова за дедом присматривать до последнего, если ей потом дом и участок отдадим.

Тоня смотрела на меня измученными глазами.

– Так вот, я ей позвонил, договорился. Мама поторопилась, напутала всё, а с вами так и не смогла поговорить.

– Конечно, не смогла. Твоя мать вообще не умеет с людьми общаться.

– Вы можете, пожалуйста, отложить свои обиды в сторону на время и послушать?!

– Да, извини...

– Так вот. Не нужен Ореховой никакой дом, она и так за дедом присмотрит. Мы так же будем деньги присылать, а она будет каждый день к нему ходить, еду готовить, порядок наводить.

– Ох, Андрюш, не знаешь ты, что такое деда нашего помыть да переодеть! Сбежит твоя Орехова на второй день.

– Не сбежит. Я ей обрисовал всю картину, она всё понимает, она на всё готова. И дома не надо ей никакого.

– Да разве ж бывает так? Чтобы бескорыстно...

– Бывает, тёть Тонь.

По тусклым глазам тёти я видел, что она всё ещё не верит мне. Поэтому я предложил ей лично пообщаться с Ореховой, набрал номер и протянул трубку. Осторожно-осторожно, как по минному полю, тётя Тоня вела беседу с деревенской женщиной по ту сторону сигнала, пока не получила ответы на все свои вопросы. После созвона её было не узнать.

– Ох, Андрюш, ты наш спаситель! Я в храме свечку за тебя поставлю, молиться за тебя буду. Это тебя Бог нам послал. Я прям воспряла, жить по-новой начала...

Казалось, она готова была упасть мне на грудь и разрыдаться. Всё-таки насколько другой становится жизнь, когда ты просто умеешь слушать и договариваться.

После обеда я улёгся на кровать рядом с дедом и провалился в серый сон. В себя пришёл только к вечеру. Муж тёти Тони Пётр и их младшая дочь Катя к этому времени уже вернулись с работы. Дед кряхтел и ворочался рядом со мной в кровати. Я встал, тихо оделся и вышел на кухню. Семья собралась за столом.

– Когда у тебя обратный самолёт? – спросил Пётр, невысокий инженер шестидесяти лет с серебристо-чёрной шевелюрой.

– Завтра.

– Завтра?! Так ты всего на день прилетел?!

– На выходные.

– Но зачем?!

– Деда повидать. Старый уже. Считайте, что я так выполняю семейный долг.

– Из Москвы в Хабаровск на один день, ради деда! – потрясённо приговаривала тётя Тоня, накладывая нам в тарелки тефтели с пюре. – Семь тысяч километров! Это ты просто какой-то подвиг совершил. Нет, тебя точно нам Бог послал... – и тётушка вкратце пересказала семье выход, который я предложил.

– Дед уже привык к деревне, ему там хорошо будет, – ласково ворковала она. – Просторно. И воздух чистый, природа. А Валентина Кузьминична за ним присмотрит, она женщина адекватная. Не то что некоторые...

– Молодец, Андрон, технично деда сплавил! – подмигнул мне Пётр. – Давай, что ли выпьем за такое дело!

Я ничего не сказал. Пётр тем временем извлёк из буфета бутылку грузинского вина и бокалы.

– Бокалы убери, лучше чашки возьми, – сказала тётя. – А то шас дед проснётся, начнет скандалить, что пьём тут без него. Ему же врачи запретили...

Пётр разлил вино по чайным чашкам, мы чокнулись за здоровье деда и выпили. Настроение у всех заметно улучшилось.

– Ну, как Москва? Стоит? – весело спросил Пётр. – Ты же к нам в прошлый раз когда приезжал, лет пять назад? У тебя ещё невеста была такая хорошая...

Действительно, в последний раз в Хабаровск я наведывался очень давно. Да и деда проводывал постольку-поскольку. Главной целью визита была она, моя первая любовь. На четыре долгих года жизнь разбросала нас по разным концам страны, я в Москве, она – в Хабаровске. Четыре года ежедневных звонков, любовных писем и встречи раз в полгода. Сладостный ад.

– Да, мы расстались. Переехала в Севастополь, вышла замуж за моряка, работала журналисткой. Родила недавно.

– Жалко. В смысле, жаль, что расстались. Мне она нравилась. А что у вас случилось?

– Это другая история... – проговорил я, утопая в воспоминаниях.

За этим самым столом сидели мы с ней пять лет назад. Я был совсем другой, и жизнь была совсем другая. И дед был другой, и родня другая, и на вещи и смотрел по-другому. Вспоминая всё это, я почти физически ощутил переходящую радость и печали, непреодолимую толщу времени, что отделяла меня от того, другого... Столько воды утекло. После нашего горького расставания у меня было пять или шесть неудачных романов, я сменил с десяток мест работы, перекопал себя на корню, жил в других странах и под другими именами, издавал книги, снимал фильмы, даже был разок на волосок от смерти. И ничто уже не вернёт мне те моменты с ней, те ощущения. Пускай даже случится чудо и она войдёт прямо сейчас в эту маленькую кухню, возьмёт меня за руку, как тогда, это всё равно будет другое. Это только в компьютерных играх можно сохраниться и войти в одну реку дважды.

– Кать, ну а как у тебя? – спросил я свою двоюродную сестру. Она скромно сидела с краю и ковыряла вилкой толчёнку.

– Да как, хорошо всё, – сказала она.

Сестра у меня красивая, даже очень. Большие выразительные глаза, светлые волосы, стройная фигура. Выглядит лет на двадцать пять. Только по паспорту ей уже тридцать семь. Вот уже лет пятнадцать живёт с родителями в отдельной комнате и работает в местной аптеке. Утром на работу, вечером домой, по выходным – домашние хлопоты вместе с тётушкой. Вот и всё.

– Был недавно во Владивостоке, встречался с тобой сестрой. Красивая у них с мужем квартира. Море с балкона видно, – сказал я, жуя кусок тефтели. – Племянника видел.

– И каково тебе быть дядей Андреем? – улыбнулась она чуть холодно.

– Непривычно. Ну а как у тебя на личном?

Тётя Тоня с Петром переглянулись. Похоже, для них эта тема была под запретом.

– Ничего, – сказала Катя.

– Ничего в смысле «пойдёт» или «никого»?

– Никого, – с нажимом ответила она.

– Что, неужели нет поклонников?

– Да были, были... – прорвало тётушку. – Да всё у Катюшки не то да не так. Идеального ждёт!

– Ну, мама, я же просила... – тихо, но твёрдо проговорила сестра.

– Лучше одной, чем с кем попало... – пожал плечами Пётр.

– Ну а что, я не права? Чего его ждать, идеального? Нету их таких. Вон, Петя последний был, и того я отхватила.

– Ох, заливаешь, мать... – сказал Пётр с улыбкой, подливая жене вино. Слова жены были ему приятны.

– Интересно, а как дед с бабой Женей познакомился? – сказал я, чтобы сменить тему. – Я как-то пытался у него спросить, но из него клещами не вытянешь ничего.

– Да как-как? Она мне рассказывала, когда жива была, – сказала тётя. – Притащился к ней в женское общежитие с чемоданом грязного тряпья, бухнул его на пол: на, говорит, стирай! Ну, она взяла и начала стирать. Так и начали вместе жить. Потом переехали в Петровку с Урала, а там уже мы с твоим отцом появились. Ну и Лида с нами была, вторая твоя тётя, дочь бабы Жени от первого брака.

– Мда. Романтика.

– Ох, а как он гулял потом, пока мы маленькие были! Ни одной юбки в деревне не пропускал...

– Да ладно! Дед гулял?! – это было для меня что-то новенькое.

– А то как же. Он у нас тот ещё угодник.

– А что ж бабушка с ним не разошлась?

– Да у неё все спрашивали. Она говорила: да щас! Чтоб на меня все потом пальцем показывали и за глаза говорили: мать-одиночка?! Натё-ка, выкусите! Мужик, он и есть мужик. Хоть гуляющий, зато работающий. И не алкаш. Так и жили.

Мы помянули бабу Женю, опорожнив ещё по чашке с вином. Четырнадцать лет как её не стало. Я помнил её лицо, помнил день, как приехал к ней с отцом в

самый первый раз, когда мне было лет десять. Вбежал в дом поперёк батьки и выпалил: «Баба Женя, это я, Андрей!» А она меня не узнала, подумала, какой-то соседский мальчишка забежал, клубнику с малиной клянчить. Обидчивая была, мнительная, переживала по любому поводу. В итоге это довело её до инфаркта.

– Вот так вот помнишь деда по картинкам из детства и не знаешь, какой он был, – сказал я.

– Андрюх, так, может, оно и к лучшему? – спросил Пётр. – Пускай лучше светлая память останется? Чего былое ворошить?

– Это мы тебе ещё и половины не рассказали... – сказала тётя.

– Горькая правда лучше сладкой лжи. Что он крови попил из вас да гулял, я уже понял. Что ещё?

– Андрюш, да зачем тебе это?.. – нахмурилась тётушка.

– Что ещё? – повторил я.

– Да всякое было. Кто старое помянет, тому глаз вон...

– Что? Ещё?

Под моим взглядом ей уже было некуда деваться.

– Ну, предлагал это... Тёте Лиде, дочке своей приёмной, сожителство предлагал.

– Да ладно?!

– Да, было. Она одна живёт, ей уже шестьдесят три. Муж уже десять лет как помер. Приезжала к отцу как-то навестить, а он ей: ты себе уже никого не найдёшь, старая, со мной живи! Она тогда так обиделась, что с тех пор и слышать про него ничего не хочет... Давно уже это было.

В коридоре раздался громкий стук палки по паркету.

– О, вот и орёл наш...

В комнату медленно-медленно, трясясь всем телом, вошёл дед, опираясь на деревянный костыль. Пока Пётр виртуозно прятал бутылку, тётушка усадила деда за стол и пододвинула ему тарелку. Ел он неаккуратно, как-то умудрившись за пару минут испачкать супом и лицо, и рубаху. Не глядя на него, через стол я протянул деду салфетку.

– Что, Андрей, заберёт меня Паша? – спросил он. Я посмотрел на тётю. Похоже, её он совершенно не стеснялся.

– Сейчас ему скажем?

Она кивнула.

– Дед, папа не сможет тебя забрать. У него там тесно, и ехать далеко. В Петровку поедешь.

– Куда?

– В ДЕРЕВНЮ обратно поедешь, говорю. Мы уже всё решили.

– Как в деревню? Маруся же уехала!

– Мы тебе другую сиделку нашли. Орехова Валентина Кузьминична.

– Кого?

– ОРЕХОВА. На соседней улице живёт!

– Валентина? Знаю. На Калинина живёт... Так у ней мужик есть!

– Тебе-то что? Мы же не жену тебе искали, – усмехнулась тётя Тоня.

– Она согласна за тобой ухаживать, каждый день, – горомко и медленно проговорил я, чтоб дед всё услышал и понял. – Поедешь в деревню?

– Валентину знаю, хорошая. Но у ней мужик есть, – повторил дед, кивая. – А у Маруси не было сперва. Недавно появился. Уехала к нему. На Хор уехала.

– Влюбился, старый, – сказал тётя. – Вишь, Андрюш. Седина в бороду, бес в ребро.

– Уехала. На Хор уехала, – продолжал кивать дед.

Ночевал я в комнате с дедом. Пока помогал ему улечься поудобней и укрыться, всё думал. Есть ли идеальное время, когда лучше всего умирать? Когда наступает тот момент, когда можно откровенно себе сказать: ну всё, старая развалина, хватит небо коптить, зажился, пора уже и честь знать? В шестьдесят скажешь: да я ещё хоть куда! В семьдесят: нет, рано-рано, ещё не всё сделал, не всё сказал. В восемьдесят: ну ещё чуть-чуть и вот уже тогда... В девяносто ты уже ни за что не отвечаешь.

В алеутских семьях есть обычай: старики выбирают удобный момент, берут котомку и уходят в ледяную пустошь, где исчезают в вечных снегах, не оставляя никаких следов. Идеальная смерть. Если бы я мог выбрать, как хочу уйти из жизни, я выбрал бы именно этот вариант.

Скоро мне предстоял обратный путь в столицу, и у меня появилась последняя возможность поговорить с дедом наедине. В который раз уже я попытался добиться от него каких-то историй про свой род, но всё было без толку. Все его мысли были о Марусе.

– Она девчонкой была, сирота без родителей. Жила по соседству. Её обманул мужик один, на сорок лет старше её. И взял к себе. Так они и жили вдвоём, пока он не умер. Потом за мной стала ухаживать. Приходила каждый день. Есть-пить давала. За пенсией на почту ходила. Печку помогала топить. Долго приходила. Семь лет. А потом мужик у ней появился, молодой. Уголовник бывший, откинулся. Уголь на Хору разгружает. И она уехала к нему. На Хор уехала.

Я лежал рядом, закинув руки за голову, и смотрел в потолок. Четырнадцать лет одиночества. В постылом доме, без жены, без друзей. Сын приезжает раз в год, дочь – раз в три месяца. И только она, Маруся, молоденькая сирота с печальной судьбой, семь лет приходит

каждый день и заботится. Ну и что, что разница между ними в полвека? Всё равно он живой человек, и сердце есть, и голова. Тут хочешь-не хочешь, а влюбишься.

– А ты не думал, что она у тебя деньги украла?

– Маруся?

– Да. Понадобились на жизнь, она и взяла перед отъездом.

– Деньги?

– Да, деньги. Сам сказал, с уголовником связалась. Может, это он её надоумил? А ты потом на тётю Тоню напраслину возвёл...

– Да не-е-ет... То я ей деньги дал.

– Да ладно! Ты?

Вот этого я, если честно, не ожидал.

– Я... Она пришла в последний раз, сказала, что уедет. Попрощаться хотела. Я пиджак достал. Там орден, и паспорт, и пенсия. И всё, что скопилось, отдал.

– А зачем же ты тётю предьявлял потом?

– А она деньги взяла, спасибо сказала. И уехала. К мужику своему молодому. Уголовник бывший, уголь там разгружает. На Хор уехала...

Рано утром я попрощался с дедом, обнял его, понимая, что делаю это в последний раз. Не было в этот момент во мне ни жалости, ни сожаления. Негатива тоже не было. Все мы люди. Главное, что я чувствовал, была благодарность за то, что этот человек продолжил род. Родил моего отца, а тот родил меня. Всё остальное в момент прощания казалось мне неважным.

Потом я по очереди поговорил с мамой и тётей и настрого запретил им между собой общаться, раз уж у них патологически не выходит. Ореховой обещал звонить и справляться, как там дела у деда. Отца попросил не сваливать ответственность на маму и сестру. Петру и Кате пожелал всего хорошего. И улетел с чувством выполненного долга, зная, что теперь вернусь сюда уже очень нескоро.

Установленный мной порядок продержался две недели. Позвонила мама, раздражённо нажаловалась, что тётюшка опять выносит мозг, та не осталась в долгу. Отец снова развёл руками, а дед снова что-то отколол. Всё-таки люди после двадцати уже не меняются.

7 ноября 2018 г., рейс Благовещенск – Москва